

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО МОТИВУ СУЕВЕРИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Рассказывается о видах пережитков уголовно-материального характера в дореволюционном уголовном праве России. Раскрываются особенности преступлений, совершаемых нашими предками по суеверным мотивам, их субъективное отношение к таким преступлениям.

Ключевые слова: обычно-правовые пережитки; мотив суеверия; обычное право; грех; преступление.

В первом номере Сибирского юридического вестника за 2006 г. мы опубликовали работу, посвященную видам обычно-правовых пережитков уголовно-материального характера в дореволюционном русском уголовном праве [1. С. 79–83]. Всю совокупность обычно-правовых пережитков уголовно-материального характера мы условно дифференцировали на три группы, соответствующие трем уровням. Первый уровень – официальное уголовное законодательство России. Ему соответствовала совокупность пережитков, которую, в свою очередь, можно рассматривать в четырех аспектах.

Первые – это очень немногочисленные пережитки, но которые, тем не менее, просуществовали вплоть до конца XVIII в. и были, на наш взгляд, прямым порождением явлений своеобразного «тотемизма» (или «анимизма» по Тейлору), когда определенные предметы могли послужить причиной столкновений между родами. Подобные случаи были характерны именно для родовой эпохи развития человечества и вызывались к жизни невозможностью персонифицировать врага. В уголовно-правовой практике России такие пережитки проявились в казни угличского колокола, наказанного кнутом и сосланного в Тобольск в 1593 г., а также в уничтожении подметных писем, которые в соответствии с Морским уставом и рядом указов предписывалось сжигать публично при большом скоплении народа под барабанный бой [2. С. 300; 3. С. 493]. Один из последних подобного рода случаев был зафиксирован 29 марта 1756 г., когда на основании статей Воинского Устава 1716 г. архангелогородской губернской канцелярией под виселицей на костре была сожжена тетрадка, содержащая речи, противные христианской религии [3. С. 615–618].

Вторая категория обычно-правовых пережитков, соответствующих законодательному уровню, – это пережитки, получившие нормативное выражение и определившие нормы обычного права в качестве официальных источников. Конечно же, прямого закрепления обычаев в уголовных законах России, где обычай рассматривался бы в качестве официально-признанного источника, мы не встречаем. Но, тем не менее, в ряде законодательных актов, которые содержали нормы уголовно-правового характера наряду с другими нормами, такие «оговорки» встречаются. Так, один из основных источников соборного Уложения 1649 г. – Литовский статус 1529 г. первой редакции – в артикулах 1 и 37 содержал установления, в соответствии с которыми в отсутствие «подходящего писанного закона судьям разрешается постановлять решения на основании старинных обычаев» [4. С. 7]. Содержат указания руководствоваться в своей деятельности «пошлиной и стариной» некоторые царские рескрипты. Царствующие особы не только сами зарекались руководствоваться обы-

чаями в своей управленческой и судебной деятельности, но и наставляли других поступать так же [5. С. 211]. Давала «зеленый свет» обычаям в сравнении с законодательством Екатерина Великая, полагая, что «весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит применять обычаями» [6. С. 101].

Третья категория обычно-правовых пережитков, отобразившаяся в законе, в том числе и в уголовном, получила свое выражение в нормах, определяющих действие обычного права в качестве хоть и допустимого источника права, но уже весьма ограниченного и существующего только по исключению. Это были ст. 168 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и ст. 96, 101 и 102 Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г., ст. 32 главы первой «О правах личности», отделения второго «О правах кочевых народов» Положения об инородцах [7. С. 6]. В соответствии с содержанием этих норм из под действия общих уголовных законов России были изъяты инородцы («пока нравы сих народов образованием не смягчатся») и крестьянское население, подсудное волостным судам. Согласно исследованиям Н.С. Таганцева, такое ограничение для волостных судов действовало в полном объеме вплоть до 1889 г., после появления земских начальников и преобразования волостных судов применение обычного права становится существенно ограниченным [8. С. 69]. Наряду с указанными категориями из-под действия имперского уголовного закона также «выпадали» казаки Запорожской Сечи и Войска Донского. Согласно точке зрения Н.К. Ранненкампа, этому факту имеется вполне логическое объяснение. «В России, – пишет автор, – есть чрезвычайно обширные разряды лиц, которые живут целые века, не зная закона, не обращаясь к установленным властям и судам, и которые руководствуются в круге своих отношений и нужд своими вековыми воззрениями» [9. С. 67]. Аналогичная политика имела место и на других национальных окраинах России. После присоединения к ней новых народов везде разрешалось действие местных законов, везде делались попытки систематизации их, и везде они приспособлялись к русскому праву и со временем заменялись им [10. С. 12].

Четвертая категория – это нормы, которые табуируют на законодательном уровне преступные деяния, совершающиеся, в том числе и по мотивам, основой которых выступают суеверия и другие проявления обычно-правовых пережитков. Суеверия не только определяли мотивационную базу совершаемых преступлений, обрядового характера, но и влияли на формирование системы уголовно-правового противодействия подобным деяниям. Так, например, ст. 1469 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. запрещала убийство мла-

денцев-уродов (их убивали за «связь» с нечистой силой). К преступлениям против религии и церкви относились колдовство и суеверия, носящие языческие корни.

Второй уровень, которому соответствует определенная группа обычно-правовых пережитков уголовно-материального характера, – это судебно-следственная практика. Подобная практика осуществлялась не только волостными крестьянскими судами, о которых уже упоминалось выше, но и рядом иных учреждений, обладающих судебными функциями, таких, например, как станичные суды, войсковые казачьи круги, совет старейшин, суды стариков, суды соседей, сельские сходы, братские суды, суды старшин и старост, родовые начальники (князцы, зайсанги, шуленги и др.). Так, в частности, среди наказаний, применяемых сельскими судами, существовали различные виды, основанные именно на обычае – различного рода посрамления (обмазывание дегтем ворот, вываливание в дегте и пуху [11. С. 336]); запряжение в повозку, применявшееся к распутницам; напой (выставление виновным известного количества вина судьям и старейшинам); земные поклоны [12. С. XXIII]. На основании старого казачьего народного права решались очень многие дела Войсковым Кругом в землях Войска Донского. К таким делам, в частности, относились и преступления, совершенные как против всего Войска, так и другие преступления. Это были преступления против веры, измена, предательство и др. Высшей мерой наказания, применяемой Кругом, являлась смертная казнь, осуществляемая посадением в куль и последующим утоплением. К видам наказаний также относились: посадение в воду, битье, наложение колодок [13. С. 306–307]. Вопросы наказания у кочевых племен обладали некоторыми особенностями, основанными на так называемой «родовой порuke», допускаемой Положением об инородцах. Так, например, у калмыков в случае материальной несостоятельности виновного лица к уплате могли быть приговорены все родственники (однородцы). Вот как описывает этот процесс М.М. Ковалевский: «Если жалоба на него будет признана правильной, то он расплачивается сперва с истцом из своего имущества; не хватит последнего, он уступает ему по цене жену и детей» [14. С. 261].

Исследователи обычного права русского крестьянства в XIX в. пришли к очень интересным выводам. Так, в частности, были сделаны выводы о том, что традиционная юстиция действует на основании обычного права и ставит своей целью не беспристрастное применение формальной законности, а поиск справедливости, понимаемой как наиболее целесообразное с точки зрения сохранения жизнеспособности данного социума решение конфликта. «Государственная и общинная юстиция, – пишет Л.Е. Лаптева, – не конкурируют, а дополняют друг друга: первая игнорирует существо конфликта, концентрируясь на формальных признаках возникших отношений, вторая является вполне универсальной и в принципе исходит из формального равенства всех подпадающих под ее действие субъектов» [6. С. 107].

Собственно, подобного рода перекосы в практике волостных судов и инородческих судебных органов вызывали тревогу и у государственных деятелей, и у ученых-юристов России. Пытаясь ответить на вопрос,

почему так много судебных приговоров крестьянских судов отменяется, И.Г. Оршанский писал, что сам законодатель во многом способствовал слишком большой передаче полномочий судам волостным как по гражданским, так и по уголовным делам. Эта попытка дать крестьянам «дешевый и доступный суд по обычным делам» и привела, в том числе, к практике применения элементов обычаев при отправлении правосудия [15. С. 3]. Фактически это же касается и иных категорий лиц, не попадающих под действие официального законодательства.

Третий уровень мы лишь обозначили, но не рассмотрели, что и хотели бы сделать в настоящей работе. Это тот уровень, которому корреспондирует соответствующая группа обычно-правовых пережитков – народное мировоззрение или народная идеология. Эта группа также не представляет собой единого целого, хотя, безусловно, является самой многочисленной. В основу же классификации может быть положено влияние тех или иных обычно-правовых пережитков на наличие или отсутствие оснований для привлечения лица, в действиях которого они проявляются, к уголовной ответственности. Иными словами, наличествует ли в действиях лиц состав преступления. Субъективное же отношение лиц, совершающих такие преступления, к собственным деяниям было двояким. С одной стороны, часть деяний признавалась преступлениями самими совершителями, с другой стороны – нет.

К деяниям, которые, по мнению, например, крестьян, преступлениями не считались, относились кража леса, облов рыбы в чужих водах, изъятие овощей с чужих огородов. Кража, например, казенного леса преступлением не считалась в связи с тем, что казенный лес, с точки зрения крестьян, принадлежал всем и каждому [16. С. 45]. Практически повсеместно не рассматривалось среди крестьян как оскорбление поношение друг друга бранными словами, только если помимо брани такие слова не содержали обвинения в совершении какого-либо преступления [12. С. XXIII]. По обычаям тунгусских племен, обманутый муж не только имел право требовать от тестя возвращения калыма, но и убить жену и любовника [17. С. 82]. Вряд ли подобного рода проявления можно объяснить наличием юридической ошибки, когда лицо не знает о противоправности совершаемого деяния. Причина кроется в другом – в том, что подобное нигилистическое отношение к определенным ценностям складывается испокон века.

Иначе ситуация проявляется в случае совершения преступлений, которые даже при желании вряд ли можно оправдать малозначительностью или неосознанием их противоправности. Наиболее распространенными преступлениями, основные мотивы которых базировались на суевериях, являлись убийства, телесные повреждения различных степеней тяжести, истребление и повреждение чужого имущества, святотатство (в смысле хищений, совершаемых из церкви). Именно поэтому ряд исследователей истории уголовного права полагает, что важность значения суеверия обусловлена тем, что оно является одним из полнокровных факторов преступности [18. С. 106]. Грехом и преступлением крестьяне считали убийство, воровство, конокрадство, кровавую драку, буйство, побои.

В основном преступления, основой мотивационной базы которых были суеверия, совершались при выполнении определенных обрядовых действий. Общим свойством и одновременно целью таких обрядов являлось очищение, освобождение, избавление от определенных злых духов, насылающих на население всевозможные беды – засухи, наводнения, падеж скота из-за эпизоотических заболеваний, распространение тяжких инфекционных заболеваний среди людей, голод и т.п. Водяные, лесные, полевые духи, способные вызывать эти несчастья, по мнению народа, появлялись в результате неполучения или неполного получения христианского обряда погребения определенными лицами. К таким лицам относились самоубийцы, погибшие трагически, насильственной смертью, младенцы, не прошедшие обряд крещения, умершие до срока (молодые) лица, а также и те, кто хотя и соблюдал при жизни все христианские обряды, но подозревался в колдовстве, ведовстве и т.п. Кроме того, необходимо отметить своеобразное смешение христианских представлений в народе с живущими еще языческими пережитками. Такой своеобразный синкретизм народного мировоззрения сказался в широко употреблявшемся в науке термине «бытовое православие», представлявшее собой «дедовские обычаи, сохранившиеся под религиозной оболочкой» [19. С. 741]. Наиболее ярко это проявлялось в манипуляциях, осуществляемых с так называемыми «заложными» покойниками, при которых все вышеуказанные категории лиц не закапывали в землю на кладбище, а оставляли на поверхности земли, прикрыв сучьями и ветками. Основная языческая идея заключалась в том, что закопанные в землю «нечистые» покойники оскверняют ее, вызывая гнев земли, оскорбленной нечистым трупом. Такой «гнев земли» выражался в том, что мать-земля не принимает нечистый труп, не подверженный тлению, и вынуждает его возвращаться обратно к живым по ночам. Во время таких вылазок покойники и приносят неисчислимые бедствия – губят посевы, «доют» дождевые облака, лишая их влаги и вызывая засуху или наоборот неисчислимые дожди, приносят неизлечимые болезни как людям, так и домашним животным и скоту [11. С. 352]. В связи с этим все попытки и церкви и властей осуществлять нормальное захоронения таких лиц вызвали у крестьян чувство протеста, и таких заложных покойников все равно раскапывали и выбрасывали в реки, болота, овраги и леса [11. С. 354].

Однако предметами посягательства являлись не только мертвые тела и места их захоронения, в определенных случаях крестьяне напрямую обращались к фактическому жертвоприношению, в результате которого гибли люди. Такие случаи имели место в Минской губернии середины XIX в. [20. С. 8]. Жертвоприношениями с целью вызвать дождь грешила Саратовская губерния (согласно исследованиям А.Н. Минха [21. С. 50]), Архангельская (согласно исследованиям Е.И. Якушкина [12. С. XXXV]), а также Самарская губерния (согласно исследованиям А. Левинстима [20. С. 71]). Однако, как показывают исследования народной жизни, и убийство иногда являлось данью обычаям, тяжким последствием закрепившихся на генетическом уровне народных суеверий, не считаясь при этом

грехом ни в глазах народа, ни в глазах местной волостной крестьянской власти. «Вообще надо сознаться, – пишет А. Левинстим, – что следы человеческих жертвоприношений сохранились в быту народном и встречаются чаще, чем можно было бы ожидать. Это одно из тех переживаний старины, с которыми общий прогресс культуры еще не совсем справился» [20. С. 11].

Во время эпидемий страшных инфекционных заболеваний – чумы, холеры, тифа и др., крестьяне напрямую обращались к фактическим жертвоприношениям, считая, что насильственная смерть, причиненная другому человеку, сможет остановить распространение заболевания. Совершались убийства ни в чем неповинных людей. Так, во время чумы в 1831 г. крестьяне деревни Каменки Новогрудского уезда Минской губернии хотели заживо похоронить местного священника, которому только чудом удалось спастись. А в деревне Окоповичи этого же уезда в 1855 г. стал известен случай убийства старухи Луции Маньковой, которую заживо закопали в вырытую заранее могилу. В августе 1871 г. все в том же уезде, в деревне Торкачи чуть заживо не похоронили Марцелю Моисейчикову [20. С. 8].

О том, что человеческие жертвоприношения совершались и в случаях засухи, также свидетельствуют народные предания. В большей же степени, в случае засухи, выкапывали мертвецов и бросали их в воду. В основном это касалось лиц, умерших без церковного покаяния (либо скоропостижно, либо насильственной смертью). «Люди, скончавшиеся без церковного покаяния, – сообщает А. Левинстим, – например самоубийцы, опойцы, скоропостижно умершие и даже раскольники, а также колдуны и ведьмы превращаются после смерти в упырей и могут быть источником бед для населения, вызывая эпидемии, болезни и бездожие» [20. С. 70]. Вообще, поверье о переселении душ безбожников и преступников после смерти в животных или птиц существовало еще в Древней Индии. Генри Мэн, описывая переселение душ в роде Ману, указывает, что тот, кто присвоил себе проезжую дорогу, превращается в змею, хлеб в зерне – в крысу, воду – в водяную дичь [22. С. 26].

«Летом 1864 года, – пишет А.Н. Минх, – стояла в Коленской волости сильная засуха, хлеба и травы “горели” (сохли) на корню. Однажды рано утром рабочий арендатора села Бедняковки Якобсона заметил в господском пруду торчащие из воды ноги. В испуге прибежал он домой, позвали старосту и стариков, вытащили из воды гроб и торчащего из него мертвеца. Оказалось, что на кладбище разрыта могила, покойник был бедняковский мужик и сильный пьяница. Народное суеверие, желая вызвать дождь, решило за неимением опойцы утопить покойника-пьяницу» [21. С. 50]. К слову, опойца – лицо, умершее от перепоя. Иногда, опять таки с целью предотвращения засухи, выкопанные трупы не бросали в воду, а сжигали. Так, весной 1799 г. жители местечка Жашково в Малороссии выкопали из могилы труну (гроб) бабки Магдалины, которую при жизни подозревали в колдовстве. Гроб, в котором покойной почему-то не оказалось, был, тем не менее, вынесен в поле и сожжен, а пепел рассеян на перекрестке окольных дорог [23. С. 92–124].

Фактически разрытие могил изначально также было преступлением против нравственности и одновременно

против церковных (христианских) устоев, проявлением языческих обрядовых пережитков. В России подобного рода преступления, основанные на суевериях, совершались не только для того, чтобы вызвать дождь. Труп и его части, по свидетельству А. Левинстима, являлись талисманами, а кости и внутренние органы, в ряде случаев, служили целебным средством или орудием порчи [20. С. 70].

Жертвоприношение было свойственно не только русскому населению России, но и другим национальностям. Так, зимой 1881 г. на Новой земле был зафиксирован случай принесения в жертву женщины. Охотник-самоед Ефрем Пырерка сорока лет перед выходом на охоту убил свою жену. К слову сказать, охота оказалась удачной [20. С. 7].

По мнению А. Левинстима, суеверия не только определяли мотив многих преступлений, в чем мы уже имели случай убедиться, а также могли служить основой способа совершения многих преступлений мошеннического характера [20. С. 151]. Что же касается колдовства, когда способами совершения преступлений являлись действия, основанные на мнимых «чарах», то здесь ситуация заключается в следующем. Лица, которые совершали подобного рода преступные деяния с элементами мошеннических действий, относились к категории так называемых злоумышленных (злонамеренных) колдунов. Конечно же, в действительности колдунами они не являлись. Однако способы совершения ими преступлений были действительно достаточно интересны и основаны они были, прежде всего, именно на злоупотреблении доверием. М. Забылин вообще называет их «просто мошенниками» и приводит случай,

когда два мошенника, используя какой-то дурманящий порошок, подсыпанный в чай, совершили хищение имущества священника. Современное уголовное право рассматривает подобные случаи не как мошенничество, а как разбой [25. С. 371].

Однако иногда в России было достаточно совершения просто суеверных действий без причинения какого-либо реального вреда тем или иным охраняемым объектам, для того чтобы быть подвергнутым уголовному наказанию. В отличие от стран Европы Россия не очень грешила процессами против ведьм и колдунов, но прецеденты подобного рода все-таки иногда случались [26]. Так, Аскалон Труворов приводит несколько примеров казни волхвов в конце XVII в., когда последними было произведено «напускание по ветру вражеской тоски» на государя. Среди достаточно распространенных способов осуществления колдовства, которыми, по мнению современников, можно было причинить вред, являлись обертывание и сжигание свечей заговоренным текстом и постановка их под образами, ворожба на бобах и т.д. [27. С. 701–715].

Безусловно, из всех перечисленных групп обычно-правовых пережитков уголовно-материального характера наиболее устойчивыми являются те, которые соответствуют уровню народного правосознания. Исчезли упоминания в уголовном законе об обычаях как источнике права, канула в лету «уголовно-правовая вольница» судебной практики, однако закрепившись на генетическом уровне, правовые пережитки остались в устном народном творчестве в виде многочисленных пословиц, поговорок, песен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгиевский Э.В.* Виды обычно-правовых пережитков уголовно-материального характера в дореволюционном русском уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1.
2. *Законодательство Петра I.* М., 1997.
3. *Очерки старинного быта. Казненная тетрадка* // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1888. Т. XXXIII.
4. *Малиновский И.А.* Древности русского права: Курс, читанный проф. И.А. Малиновским в 1918/19 академических годах в Донском археологическом институте. Ростов н/Д, 1919.
5. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Право, 1910.
6. *Лаптева Л.Е.* Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. № 8.
7. *Положение об инородцах.* Т. 2: Изд. 1892 г. СПб., 1892.
8. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1.
9. *Ранненкампф Н.К.* Юридическая энциклопедия. Киев; СПб.: Изд-во книжного магазина Н.Я. Оглобина, 1913.
10. *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990.
11. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
12. *Якушкин Е.И.* Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. М.: Товарищество типографии Мамонтова, 1910.
13. *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. М.: Вече, 2004.
14. *Ковалевский М.М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1905. Вып. 1.
15. *Орианский И.Г.* Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб.: Типография А.Е. Ландау, 1879.
16. *Кудрявцев В.Н.* Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002.
17. *Лаппо Д.Е.* Обычное право сибирских туземных народностей. Б.м., Б.г.
18. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Мифологическое значение некоторых преступлений, совершаемых по суеверию // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1888. Т. XXXIII.
19. *Русские* / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2003.
20. *Левинстим А.* Суеверие и уголовное право. СПб: Издание Я. Канторовича, 1897.
21. *Минх А.Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах. СПб., 1890.
22. *Мэн Г.С.* Древний закон и обычай. Исследования по истории древнего права. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1884.
23. *Оглоблин Н.* Очерки быта Украины конца XVIII в. (Сожжение ведьмы) // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. 1887. Т. 18.
24. *Русский народ: его обычаи, обряды, преданья, суеверия и поэзия, собранные М. Забылиным.* Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992.
25. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / Под общ. ред. Генерального прокурора РФ, проф. Ю.И. Скуратова. М.: НОРМА-ИНФРА М, 2000.
26. *Канторович Я.А.* Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.
27. *Труворов А.* Волхвы и ворожеи на Руси в конце XVII века // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1889. Т. 36.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2009 г.